

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

А. ВЕЙСМАНЪ.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — в.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Среди природы и людей. С. Лав-
 рентевой. — II. Сказка-быль. (Стих.). С. Дрожжина. —
 III. Взрывъ Смоленска. (Изъ дальнихъ лѣтъ) * * —
 IV. Изъ записокъ охотника. Ив. Тургенева. — V. Кар-
 тина Бемъ: „Дѣдъ разговариваетъ съ внукомъ“.

СРЕДИ ПРИРОДЫ И ЛЮДЕЙ.

ВЪ МОСКВѢ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

IV.

БЫДЯ изъ кремлевскихъ стѣнъ, мы очутимся въ той
 части города, которая въ старину называлась Поса-
 домъ, а теперь — Китай-городомъ.

Пока еще мало людей жило въ новой Москвѣ, до-
 вольно съ нихъ было и одного Кремля, а какъ стало число

ихъ увеличиваться, тѣсенъ имъ показался Кремль и стали селиться внѣ его. Но, такъ какъ въ тѣ смутныя времена, не мѣшало думать объ охранѣ себя отъ внѣшнихъ нападеній, то и эту новую часть города, Елена, мать царя Іоанна Грознаго, приказала окопать глубокимъ ровомъ, а въ 1535 году вокругъ него заложили каменную стѣну съ четырьмя башнями и вѣрно, уподобляя эту стѣну стѣнѣ китайской, прозвали эту часть города — Китай-городомъ.

Китай-городъ—самое важное мѣсто Москвы по торговлѣ и промышленности; тутъ вмѣщаются и гостинный дворъ, и биржа, и торговые ряды, и присутственные мѣста. Въ стѣнѣ Китай-города находятся въ настоящее время шесть воротъ. Изъ нихъ больше заслуживаютъ вниманіе Воскресенскія или Иверскія ворота, подлѣ которыхъ находится часовня съ иконой Иверской Божіей Матери. Икона эта писана благочестивымъ старцемъ Ямвлихомъ Романовымъ; это точный снимокъ съ такой же иконы, хранящейся въ Иверскомъ монастырѣ, на Аѳонской горѣ, по усердію же патріарха Никона она прислана съ Аѳона въ Москву въ 1648 году.

Много теплыхъ молитвъ вознеслось передъ этой иконой Святой Заступницы! Много слезъ, и горя, и радости изливалось тутъ богомольцами; много яркихъ свѣчей освѣщало ликъ Непорочной Дѣвы!

Не мало видовъ видѣли и Воскресенскія ворота, черезъ нихъ проходили торжественнымъ шествіемъ и Великій Петръ послѣ ништадскаго мира и цари и императоры при вѣздѣ на коронованіе.

Выйдя изъ Кремля черезъ ворота Никольскія или Спасскія, очутитесь на знаменитой Красной площади. Вереница историческихъ событій развертывается передъ вами изъ глубокой старины. Вотъ полчища татаръ и поляковъ осаждаютъ кремлевскія стѣны! безчинствовала разъяренная чернь, буйные стрѣльцы. Тутъ совершается судъ и расправа, прощеніе и казни возвѣщаютъ съ Лобнаго мѣста *), полу-

*) Лобное—возвышенное.

круглаго, каменнаго возвышенія, въ нѣсколько ступенекъ, съ каменнымъ барьеромъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ происходятъ семейственныя судилища. Три дня лежитъ трупъ Дмитрія Самозванца, и вотъ тутъ возвышается памятникъ Минину и Пожарскому—этимъ двумъ героямъ-патріотамъ, поднявшимъ на защиту отчизны всю святую Русь!

Обратитесь направо, такъ встрѣтите такое диво-дивное, что только ахнете! Это церковь Василия Блаженнаго или Покровскій соборъ, построенный царемъ Іоанномъ Грознымъ въ память покоренія Казанскаго царства. Церковь эту строилъ выписанный изъ за-границы архитекторъ Фрязинъ, которому царь приказалъ выстроить что-либо по диковиннѣе и, какъ видно, художникъ не поспешилъ на фантазію! Приземистая, широкая, пестро расписанная, съ большими, не по росту, девятью главами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою форму, узоръ и краски; съ короткими, тонкими, фигуристыми колонками, расписанными по бѣлому полю уродливыми, пестрыми цвѣтами и плодами въ горшкахъ; съ широкими и высокими крыльцами и ярко пестрыми на нихъ барьерами и навѣсами,—все въ ней такъ оригинально, и красиво, и уродливо, и въ самой этой уродливости такъ интересно, такъ отличается ото всего доселѣ видѣннаго, что не скоро оторвешь глаза отъ этой ярко-пестрой, любимой церкви грознаго царя. Преданіе говоритъ, что Іоаннъ, осмотрѣвъ по отстройкѣ церковь, такъ былъ восхищенъ ею, что желая чтобы она оставалась единственною въ своемъ родѣ, приказалъ выколотъ глаза архитектору, отнявъ, такимъ образомъ, отъ него возможность сдѣлать подобную же.

Внутри церкви находится девять придѣловъ или крошечныхъ отдѣльныхъ церквей, вмѣсто прежнихъ девятнадцати. Всѣ онѣ производятъ тяжелое впечатлѣніе склеповъ: такъ всѣ низки, темны и душны.

Въ тѣ времена, когда на Руси были еще патріархи, въ Вербное воскресенье, изъ Успенскаго собора въ церковь Василия Блаженнаго, отпирался крестный ходъ, при чемъ

царь велъ за узду лошадь, на которой ѣхалъ патріархъ, изображая Спасителя при Его входѣ во Іерусалимъ.

Обрядъ этотъ былъ очень торжествененъ, происходя до обѣдни, при огромномъ стеченіи народа. Изъ Успенскаго собора выносили большое дерево, обвѣшанное разными плодами и укрѣпивъ его на двухъ саняхъ, везли шагомъ. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли молитвы. За санями шли молодые люди, съ зажженными восковыми свѣчами и съ огромнымъ фонаремъ, а за ними несли хоругви, кадильницы и иконы, сзади которыхъ слѣдовали болѣе ста священниковъ, въ великолѣпныхъ ризахъ, осыпанныхъ жемчугомъ; за ними бояре и, наконецъ, самъ государь съ патріархомъ. Патріархъ ѣхалъ верхомъ на ослѣ или лошади, покрытой бѣлой тканью; лѣвою рукою онъ придерживалъ на своихъ колѣняхъ Евангеліе окованное золотомъ, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ бояринъ, а царь одною рукою держалъ длинный поводъ узды, а въ другой рукѣ вербу. Путь патріарха устилали сукнами.

Обычай этотъ былъ отмѣненъ при послѣднемъ патріархѣ Адріанѣ.

V.

Домъ Романовыхъ на Варваркѣ можетъ служить образцемъ всѣхъ боярскихъ домовъ того времени.

Зданіе это построено въ четыре этажа, на Варварскую улицу оно выступаетъ только однимъ этажемъ, а остальными во дворъ, такъ какъ въ старину всегда хоромы строились окнами во дворъ. Въ среднемъ этажѣ пристроено висячее крыльцо—балконъ (глядильня). Надъ нимъ гербъ Романовыхъ: крылатый грифонъ, держащій въ одной лапѣ мечъ, а въ другой щитъ. Хоромы состояли изъ четырехъ частей: 1) подвальный или нижній этажъ, называвшійся въ старину—

погребье, съ ледникомъ и медушею; 2) нижній этажъ или подклѣтье, съ людскою, кладовою и приспѣшею или поварнею; 3) средній этажъ, или житье, съ сѣнями, дѣвичьей, дѣтской, крестовой, моленной и боярскими комнатами и 4) чердаки или теремъ, съ вышкою и свѣтлицею. Всѣ эти покои соединены между собою однопольными дверями изъ дубоваго дерева, и потаенными лѣстницами.

Въ подвальный этажъ ведетъ широкая каменная лѣстница, по которой скатывали и спускали въ медушу бочки съ фряжскими винами, медомъ, пивомъ и квасомъ. Подклѣть напоминаетъ старинное боярское хозяйство. Тутъ помѣщается поварня съ русской печью и старинною кухонною посудой: кувшины, кунганы, братины, яндовы, фляги, жбаны мѣдные и желѣзные съ разными надписями.

Средній этажъ самый интересный. Въ немъ пять комнатъ. Крестовая палата имѣлась въ каждомъ боярскомъ домѣ. Крестовая она называлась потому, что въ ней правились священниками кресты, т. е., происходили различныя службы въ праздничные дни и во дни великаго поста, а также въ нихъ пѣли молебны и панихиды. На эти службы въ крестовую собирались всѣ домашніе. Въ палатѣ этой сводъ стрѣльчатый съ росписанными подлинными грамотами царя Михаила Ѳеодоровича. Окна съ древнею слюдяною оконницею, теперь для прочности подложенною стекломъ. Посреди палаты столъ, покрытый богатой персидскою тканью; при немъ два кресла. Вдоль одной стѣны—деревянныя лавки; у другой горка или поставъ за стеклами съ золотой и серебряною посудой; тутъ: блюда, ковши, кубки, чарки, братины, стопы, сулеи, достаканы и, наконецъ, серебряная съ крышечкой солоница патріарха Филарета Никитича Романова. Такая посуда переходила отъ отца къ сыну и хранилась какъ святыня. На парадныхъ обѣденныхъ столахъ она ставилась горкою, отчего и произошла поговорка: пиръ горой! Въ старину посуда, кромѣ своего обыкновеннаго назначенія, служила еще предметомъ царскаго пожалованія,

какъ нынѣ орденa, и за разныя служебныя или другія заслуги, дарились серебряныя и золотыя кубки и ковши, на которыхъ подписывалось: „Государская милость“ (такому-то) и вычеканивался россійскій гербъ.

Въ молельнѣ бояре начинали и оканчивали свой день молитвами. Изъ молельной низкая дверь ведетъ въ боярскую комнату или опочивальню, гдѣ сохранились разныя вещи и одежды царя Михаила Ѳеодоровича, тоже зеркала, которыя употреблялись въ гаданьяхъ на святкахъ и въ которыя боярыни и боярышни оглядывали свои наряды; подлѣ зеркалъ разныя женскія туалетныя принадлежности: серьги, черети, опахалы и пр. Въ этой же палатѣ превосходная изразцевая печь на ножкахъ, съ различными пестрыми изображеніями на изразцахъ. Дѣтская и дѣвичья состоятъ каждая изъ двухъ маленькихъ комнатъ. Въ дѣтской стоитъ колыбель и хранятся свивальникъ, подушечки и куклы, убранныя жемчугомъ и дорогими камнями. Подлѣ дѣтской дѣвичья, гдѣ жили сѣнныя дѣвушки, а съ ними и мамушки. Изъ дѣвичей потаенная лѣстница ведетъ въ теремъ. Слово теремъ произошло отъ греческаго слова, означающаго верхній покой для женщинъ, отчего даже произошла поговорка: „въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы“.

Женщинъ въ старину содержали очень строго. Имъ не только не позволялось участвовать въ бесѣдахъ мужчинъ, но даже и показываться постороннему мужчинѣ. Если же мужъ или отецъ, угощая своихъ задушевныхъ друзей, захочетъ имъ сдѣлать особенную честь, тогда приказывалъ той или другой выйти въ столовую и поднести каждому изъ гостей по чаркѣ, при чемъ каждый изъ гостей долженъ былъ поцѣловать жену или дочь хозяина. А затѣмъ онѣ снова удалялись въ свои терема, гдѣ сидя днемъ у узкаго окошечка съ вышиваньемъ, слушали сказки мамушекъ и духовныя рассказы богомолокъ.

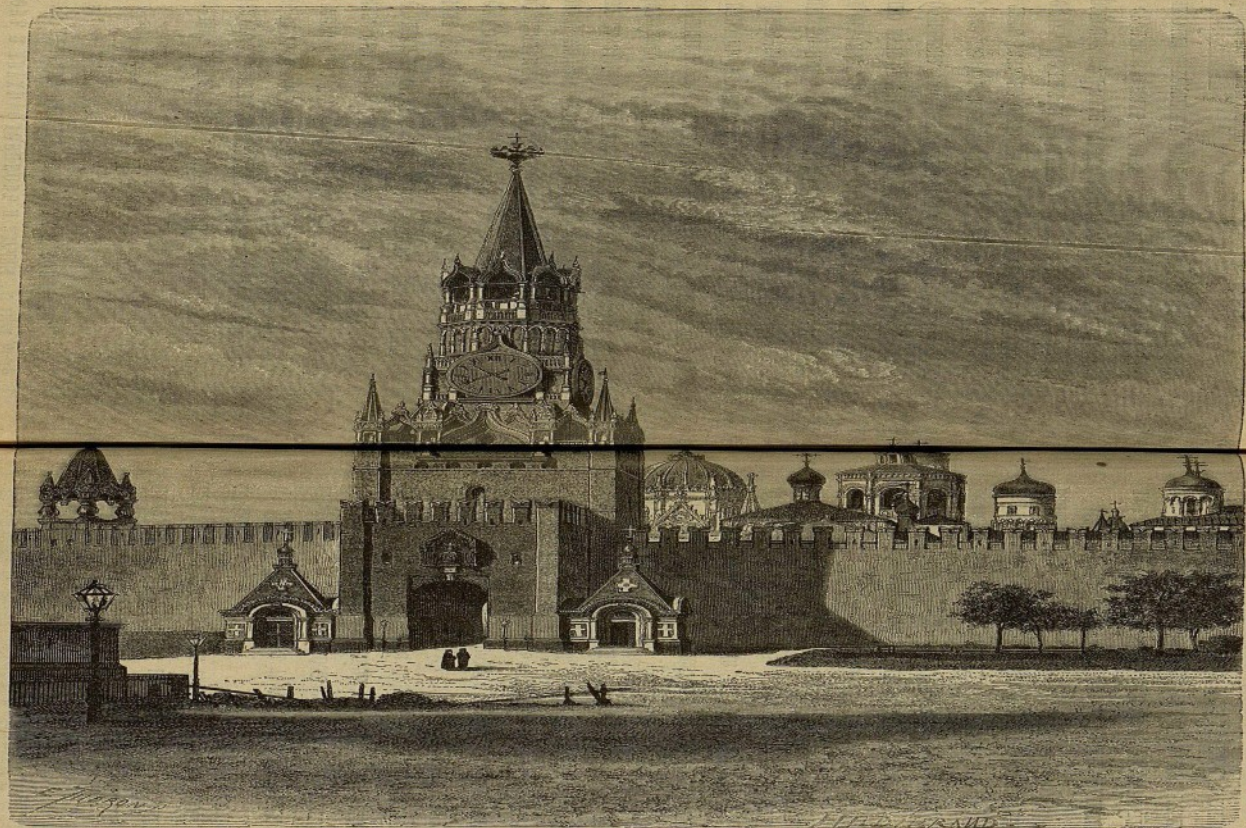
Грамотѣ ихъ не учили, образовывать женщину, даже

много разговаривать съ нею считали лишнимъ. Это было не ея дѣломъ.

Нѣсколько позже, женщины могли уже выходить въ дальнія церкви и на посидѣлки. При Петрѣ Великомъ женщины стали участвовать въ частныхъ бесѣдахъ съ мужчинами, а потомъ являться въ ассамблеи и дѣлать публичные удовольствія, затѣмъ стали заботиться объ образованіи женщинъ.

Въ Китай-городѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь присутственные мѣста, былъ прежде первый въ Россіи монетный дворъ. Въ древнія времена русскіе производили торговлю мѣною, т. е., платили за покупаемые товары другими товарами, всего чаще мѣхами, которыми особенно богата была Россія. Даже разныя подати казнѣ уплачивались мѣхами, казна въ свою очередь выпускала въ оборотъ бѣличьи лобки и куньи мордки, съ положеннымъ на нихъ штемпелемъ. Это были первыя кожаныя деньги, вмѣсто которыхъ, позже, ввели въ употребленіе металлическія бляхи, которыя тоже назывались: мордки, рѣзаны, ногаты, вѣкошы. Съ 1317 года сталъ извѣстенъ рубль, названіе рубль произошло отъ слова рубить: пруть серебра, въ палецъ толщины, разрубался на части, въ полтора вершка длины, съ клеймами, разными изображеніями, и называли рублемъ. Около 1471 года стали вводиться въ употребленіе: литовскіе гроши, нѣмецкіе шелехи и татарскія деньги. Во времена Василія Темнаго на всѣхъ монетахъ стали изображать московскій гербъ: всадникъ, закалявавшій змѣя.

Серебряныя отчетливо отчеканенныя монеты стали дѣлать при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Это были рублевики, полтинники, полуполтинники или четвертаки и мѣдныя копѣйки и полушки, а когда былъ основанъ первый монетный дворъ, то пригласили мастеровъ изъ за-границы, учить чеканному дѣлу. Петръ Великій перевелъ монетный дворъ въ Петербургъ, при немъ начали че-

ВОСКРЕСЕНСКІЯ ВОРОТА ВЪ МОСКВѢ.

канить золотыя монеты, подъ названіемъ: золотыхъ, червонцевъ и двухрублевиговъ и алтыны *). При немъ же счетъ деньгамъ начался на рубли и копѣйки.

VI.

Населивъ Китай-городъ, прибывавшіе жители стали селиться за его стѣнами и образовали слободы или Загорье. Теперь эта часть города называется Бѣлый-городъ **). Прежде и эта часть была обнесена стѣной, но потомъ, не поддерживаемая, она по ветхости обвалилась, и при императрицѣ Екатеринѣ II была совсѣмъ уничтожена, ровъ засыпанъ и на немъ разбиты бульвары: Тверской, Никитскій, Страстной и пр.

Проѣзжая мимо такихъ зданій, безпрестанно приходится вспоминать нашего великаго преобразователя Петра. Взглянемъ ли на зданіе клиники ***), вамъ представится исторія врачебнаго искусства въ Россіи. Вспомнится время, когда единственными средствами противъ недуговъ были: жаркая баня, вино съ перцемъ, огуречный разсолъ, рѣдечный сокъ и пр. Мало по малу стали выписывать докторовъ изъ за-границы, но имъ приписывали кудесническую силу, и требовали отъ нихъ чудесъ, и въ случаѣ смерти заболѣвшаго, медленно мучили и казнили. Іоанномъ Грознымъ были учреждены больницы, но доктора къ нимъ и лекарства выписывались все же изъ за-границы; русскихъ же докторовъ не было, такъ какъ не было ни одного медицинскаго училища.

Петръ Великій обратилъ особенное вниманіе на распространеніе въ Россіи врачебнаго искусства. Онъ самъ, при всѣхъ своихъ заботахъ и занятіяхъ, сталъ изучать, для примѣра прочимъ, медицину, пройдя полный курсъ ея, для чего

*) Монета изъ низкаго серебра.

**) Названіе Бѣлый она получила отъ бывшихъ въ ней большихъ зданій—бѣлый значило—большой, важный.

***) Заведеніе, гдѣ происходитъ практическое медицинское обученіе при постели больного.

даже поселился на время въ Амстердамѣ. Петръ Великій преимущественно любилъ хирургію *) и самъ очень искусно, по тогдашнему времени, научился дѣлать операціи. Очень ловко и легко выучился онъ тоже вырывать зубы, такъ что, во время его пребыванія въ Амстердамѣ, голландцы, страдавшіе зубами, во множествѣ приходили къ русскому царю. Петръ вырывать имъ зубы очень искусно и еще имъ же платилъ по шиллингу за собственную практику. Въ музеѣ нашей академіи наукъ хранится цѣлый мѣшокъ голландскихъ зубовъ вырванныхъ Петромъ.

Такимъ образомъ, Петръ Великій первый положилъ прочное основаніе медицинской наукѣ въ Россіи. Вскорѣ послѣ его смерти учреждена медицинская коллегія, а затѣмъ, въ 1783 г., медико-хирургическая академія, а при нѣкоторыхъ университетахъ учреждены медицинскія клиники.

При видѣ одного изъ наиболѣе красивыхъ зданій въ Москвѣ, зданія благороднаго собранія, гдѣ бывають и дворянскія собранія, опять таки добромъ вспомняешь Петра Великаго, окончательно уничтожившаго различныя разряды, кичившіеся только своимъ происхожденіемъ, а не заслугами отечеству; введшему дворянъ въ службу и поставившаго себя въ примѣръ другимъ. Начавъ службу съ низшаго воинскаго чина, онъ заставилъ дворянъ выслуживаться и установилъ, чтобы чины раздавались за заслуги, а не за знатность происхожденія, какъ было прежде.

А вотъ и опять приходится поговорить о Великомъ Петрѣ при видѣ каменнаго моста, соединяющаго Москву съ Замоскворѣчьемъ. Прежде подобные мосты были деревянные, разводившіеся во время весенняго половодья и предки наши даже не вѣрили, чтобы можно было устроить каменный мостъ. Но впослѣдствіи, именно въ 1643 году, былъ вызванъ въ Москву изъ Страсбурга мастеръ Кристлеръ, онъ и построилъ черезъ Москву-рѣку каменный мостъ, который былъ

*) Наука обучающая дѣлать операціи.

первымъ каменнымъ мостомъ въ Россіи. И вотъ этотъ-то каменный мостъ былъ свидѣтелемъ торжества, происходившаго въ 1696 году, послѣ побѣды взятія Азова.

При входѣ на мостъ были построены великолѣпныя триумфальныя ворота, со статуями, разными надписями, лавровыми вѣнками и отдѣлками изъ золотой парчи и богатыхъ шелковыхъ обой. По обѣимъ сторонамъ триумфальной арки стояли пирамиды, перевитыя зелеными вѣтками, съ надписями на одной: „въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ“, на другой: „въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ“. А по обѣимъ сторонамъ вдоль моста были поставлены картины, украшенныя лаврами, изображавшія битву русскихъ съ турками, приступъ къ Азову и морское сраженіе.

Черезъ эту триумфальную арку, по мосту прошли войска сухопутныя и морскія, пронесли отбитыя у непріятеля знамена, провели плѣннаго мурзу Аталыка, съ завязанными платкомъ руками, проѣхали въ великолѣпныхъ каретахъ разные знатные вельможи,—и тутъ, среди этого великолѣпія,—самъ побѣдитель Петръ не ѣхалъ въ раззолоченной колесницѣ, какъ бывало римскіе цезари, не въ бархатѣ и глазетахъ, какъ прежніе русскіе цари, а въ простомъ офицерскомъ мундирѣ шелъ пѣшкомъ передъ своимъ преображеннымъ полкомъ, съ которымъ дѣлилъ всѣ трудности похода, какъ простой солдатъ.

Чтобы покончить съ Бѣлымъ-городомъ упомянемъ о храмѣ Спасителя, только что отстроеннымъ и еще не освященнымъ, припомнивъ тутъ знаменательный для Россіи 1812 годъ, черезъ который такъ много пострадала Москва и въ память счастливаго окончанія битвъ котораго и заложенъ этотъ храмъ императоромъ Александромъ I Благословеннымъ. Сначала этотъ храмъ былъ заложенъ на Воробьевыхъ горахъ, откуда чудеснѣйшій видъ на всю Москву. Тутъ въ прежнія времена каждый годъ живали: дѣдъ Іоанна Грознаго, самъ Іоаннъ и многіе другіе государи. Тутъ же рос-

тетъ цѣлая березовая роща, собственноручно посаженная Петромъ Великимъ.

Заложенъ былъ этотъ храмъ въ 1817 году и уже начаты были работы, но затѣмъ, въ 1827 году, нашли что грунтъ для него непроченъ, работы остановили, а въ 1838 году заложили новый храмъ, на берегу Москвы-рѣки, гдѣ онъ теперь и находится.

Земляной городъ окружаетъ Кремль, Китай-городъ и Бѣлый-городъ. Онъ построенъ при царѣ Θεодорѣ Иоанновичѣ. Прежде былъ кругомъ обнесенъ бревенчатымъ частоколомъ. Въ настоящее время извѣстенъ подъ именемъ Вала. Теперь земляной валъ обсаженъ бульварами для гулянья. Особенно красивыхъ зданій въ немъ нѣтъ, а онъ исторически замѣчателенъ Сухаревой башней, построенной Петромъ Великимъ, въ честь начальника одного изъ стрѣлецкихъ полковъ, полковника Сухарева, оставшагося во время стрѣleckаго бунта вѣрнымъ царю.

Стрѣleckое войско замѣнило прежнихъ опричниковъ царя Іоанна Грознаго, и разрослось послѣ его смерти до сорока тысячъ человекъ. Все болѣе и болѣе умножаясь, стрѣльцы стали дѣлать безпорядки въ городѣ, обижать горожанъ и замѣшиваться въ бунты. Стрѣльцами воспользовалась властолюбивая царевна Софія, сестра Петра Великаго, хотѣвшая во время его малолѣтства овладѣть престоломъ. Ей удалось ихъ купить, за исключеніемъ полка Сухарева, оставшагося вѣрнымъ. Петръ Великій уничтожилъ стрѣleckое войско и положилъ начало регулярной арміи. Вѣрной Сухаревой дружинѣ онъ пожаловалъ особыя знамена, которыя хранятся въ оружейной палатѣ, а въ честь Сухарева построилъ башню.

Зданіе это состоитъ изъ воротъ, надъ ними палата и башня въ четыре пояса, съ четырьмя башенками. Верхъ увѣнченъ двуглавымъ орломъ. Въ верхнемъ ярусѣ палаты двѣ обширныя залы подъ сводами. Въ одной изъ нихъ въ 1829 году устроено водохранилище, вода котораго под-

нимается сюда изъ водопровода села Большихъ Мытищъ, за 15 верстъ отъ Москвы, изъ Сухаревой башни, черезъ чугунныя трубы, проходить въ Москвѣ въ бассейны и фонтаны.

Съ исторіей Сухаревой башни соединено много воспоминаній о заботахъ Петра Великаго. Въ ней онъ открылъ первую въ Россіи математическую и мореплавательную школу, гдѣ уже въ 1712 году училось болѣе 500 дѣтей дворянъ и разночинцевъ. Въ числѣ первыхъ учителей математики находился любимецъ Петра Великаго, Леонтій Магницкій, написавшій первую русскую ариметику. Въ 1715 году мореплавательное училище переведено въ Петербургъ, подъ названіемъ Морской академіи, переименованной потомъ въ Морской кадетскій корпусъ.

Въ простомъ народѣ Сухарева башня первое время слыла за нѣчто страшное, вмѣщавшее въ себѣ колдовство и колдуновъ, оттого, что въ ней хранились ученыя книги написанныя какими-то странными буквами и цифрами и дѣлались химическіе опыты. Тутъ же, со временъ Петра Великаго, выписанные иностранные актеры разыгрывали комедіи.

А вотъ среди площади и Красныя ворота! Настоящія, каменные, были воздвигнуты при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, ко дню ея въѣзда въ Москву для коронаванія. Прежде же они были деревянныя и соединялись со стѣнами, шедшими по валу. При Петрѣ Великомъ Красныя ворота назывались Флоровскими, во время царствованія Петра, здѣсь праздновались масленицы. Здѣсь великій императоръ первый выпивалъ чарку вина за здоровье любимаго имъ народа, садился за накрытый столъ и обѣдалъ, а восхищенный народъ, съ громкими, сердечными криками ура окружалъ государя, являвшагося теперь имъ не грознымъ, энергическимъ усмирителемъ мятежей, не мудрымъ просвѣтителемъ невѣжества, не неустрашимымъ героемъ и побѣдителемъ враговъ внѣшнихъ, но добрымъ отцемъ—баловникомъ, пировавшимъ вмѣстѣ со своими дѣтками, всегда и

вездѣ первымъ другомъ и благодѣтелемъ Богомъ ввѣреннаго ему народа, великій образъ котораго паритъ надъ нами и понынѣ въ лучахъ своего генія.

С. Лаврентьева.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СКАЗКА-БЫЛЬ.

I.

ВЪ БѢДНОЙ деревушкѣ,
Подъ окошкомъ хаты,
Около старушки
Собрались ребята:
Бабку обступили
Съ самой нѣжной лаской;
Всѣ они просили
Ихъ потѣшить сказкой...

Бабушка сѣдую
Голову склонила,

И, вздохнувъ, такую
Сказку говорила.

— Охъ, съ тѣхъ поръ не мало
Утекло воды-то...
Что я прежде знала
Многое забыто...

А теперь покуда
Расскажу вамъ дѣти
Хорошо иль худо
Мнѣ жилось на свѣтѣ...
Вотъ передо мною
Милая сторонка,
Съ крышею гнилою.
Бѣдная избенка,

Подъ окномъ рябина,
На грядахъ у тына
Макъ пунцовый рдѣтъ,
Ярый хмѣль зеленый
По тычинѣ вѣтся...
Вотъ родникъ студеный
Изъ подъ камня лѣтся,
Въ глубь его глядится
Солнце огневое...
Тихо шевелится
Поле какъ живое.

II.

Ярко свѣтитъ солнце,
Землю припекая...
Вотъ глядитъ въ оконце
Матушка родная,
Вотъ отецъ съ сохою
Со двора съѣзжаетъ,
Улицей большою
Весело шагаетъ.
И за нимъ я слѣдомъ
Въ поле убѣгаю,
Съ мальчикомъ-сосѣдомъ
Цвѣтки собираю.
Съ пѣснею надъ нами
Жаворонокъ вѣтся...
Чудными листьями
Лѣсъ не шелохнется,—
Весело бы годы
Дѣтства протекали,
Если бы невзгоды
Ихъ не омрачали.

III.

Девять лѣтъ минуло
Мнѣ, а на десятомъ
Счастье обмануло;
Мой отецъ солдатомъ

Скоро очутился.
(Врагъ былъ подъ Москвою).
Онъ на смерть сразился
Буйной головою...

Умерла въ злой долѣ
Матушка родная,
И былинкой въ полѣ
Выросла одна я.

Горько сиротою,
Дѣтки, мнѣ жилося,
Слезъ-то слезъ,—порою
Сколько пролилося,—

Ихъ не осушали
Никакія ласки.
Дѣточки внимали
Бабушкиной сказкѣ.

Словно сиротинки
На нее взглянули,
И у всѣхъ слезинки
Чистыя блестнули.

С. Дрожжинъ.

ВЗРЫВЪ СМОЛЕНСКА.

Изъ 1812 года.

Бѣгутъ Европы ополченья;
Окровавленные снѣга
Провозглашаютъ ихъ паденья,
И таетъ съ ними слѣдъ врага.

А. Пушкинъ.

РИ НАСТУПЛЕНИИ, цѣлью французовъ была — Москва; при отступленіи—родина; но такъ какъ до родины было далеко, то цѣлью ихъ желаній было ближайшее мѣсто отдыха—Смоленскъ.

Кутузовъ такъ распорядился своимъ движеніемъ изъ подъ Тарутина, что загородилъ Наполеону путь на тѣ мѣста, гдѣ было въ изобиліи продовольствіе, и заставилъ его идти на родину по пустынной дорогѣ къ Смоленску, имъ же самимъ до конца раззоренной. Въ уныломъ молчаніи, будто предчувствуя, что ихъ ожидаетъ, тронулся непріятель въ обратный путь. Посреди печальныхъ полковъ Наполеонъ ѣхалъ задумчивый, рассчитывая время и предстоящее ему огромное разстояніе до Смоленска, а

оттуда до Вильны, гдѣ ему были заготовлены съѣстные запасы и снаряды.

Когда французы достигли до знакомой имъ смоленской дороги, то повернули на Вязьму. Подъ Вязьмой они встрѣтились съ Милорадовичемъ и Платовымъ и сразились съ ними. Болѣе часа продолжалась жестокая канонада; непріятель не выдержалъ; ушелъ въ городъ, засѣлъ тамъ по домамъ, за заборами, стрѣлялъ изъ домовъ, бросалъ бомбы и гранаты, онъ съ трескомъ разряжались и дома пылали. Вскорѣ русскіе ворвались въ Вязьму объятую пламенемъ, штыками вытѣснили непріятеля, а пѣхота вошла въ городъ съ музыкой, барабаннымъ боемъ, съ распущенными знаменами. Въ Вязьмѣ не осталось почти ни одного уцѣлѣвшаго дома, по улицамъ лежали убитые, валялись обломки оружія, опрокинутыя фуры, взорванные зарядные ящики. На площади толпились оборванные плѣнные. Французы подъ Вязьмой лишились много орудій, обоза, знаменъ, плѣнныхъ и до семи тысячъ убитыми.

Непріятельская армія была увѣрена, что въ Смоленскѣ найдетъ изобиліе въ продовольствіи, спокойно проведетъ тамъ зимніе мѣсяцы, и стремилась туда съ такимъ же нетерпѣніемъ, съ какимъ два мѣсяца тому назадъ стремилась къ Москвѣ, гдѣ надѣялась завоевать славный миръ.

Князь Кутузовъ съ своей стороны старался всѣми мѣрами удержать Наполеона на раззоренной имъ смоленской дорогѣ, выморить его на ней голодомъ и не пускать на тотъ путь, гдѣ бы онъ могъ прокормиться.

Кромѣ голода французамъ на этомъ пути пришлось терпѣть еще неизвѣстную имъ бѣду—стужу. Отъ Можайска до Вязьмы они хотя и нуждались въ продовольствіи, но холодовъ большихъ не было, только по ночамъ бывали легкіе заморозки; но на другой день послѣ битвы подъ Вязьмою выпалъ снѣгъ, забушевали вѣтры, поднялись мятели и хотя морозъ не превышалъ 10°, но выюги дѣлали холодъ нестерпимымъ. Снѣгъ шелъ пять дней непрерывно съ порывистымъ вѣтромъ и разослался целеною ослѣпительной бѣлизны. Люди

съ трудомъ шли по глубокому снѣгу, лошади выбивались изъ силъ въ сугробахъ. Когда же послѣ утреннихъ заморозковъ, дороги покрылись стекляннистымъ ледянымъ лоскомъ, то сдѣлались такъ скользки, что французскія лошади, не подкованныя на шипы, падали подъ пушками и подъ всадниками. Принуждены были брать лошадей отъ обозовъ, а обозы покидали на дорогѣ вмѣстѣ съ награбленной въ Москвѣ добычей.

Наполеону было не до трофеевъ, онъ думалъ какъ бы скорѣе добраться до Смоленска и шель къ нему усиленнымъ маршемъ, безъ дневокъ.

Проведя день безъ пищи, усталые, измёрзлые французы располагались на ночь на мерзлой землѣ, въ глубокомъ снѣгу; по утрамъ около бивакъ находили умершими тѣхъ, которые думали у огня согрѣться и отдохнуть.

Многіе были не въ состояніи идти за арміей, отставали отъ нея среди мрака ночи, подкрадывались къ русскимъ огнямъ и со страхомъ приближались къ отдыхавшимъ нашимъ солдатамъ; но не было ни одного изъ этихъ несчастныхъ, которому бы наши не уступили мѣста у огня, не удѣлили сухаря, не дали стакана горячаго чая. Въ то время, какъ русскіе согрѣвали непріятеля и дѣлили съ нимъ скудные свои припасы, Наполеонъ разстрѣливалъ нашихъ плѣнныхъ, которые не имѣли силъ слѣдовать за его арміей.

Между тѣмъ, погода становилась суровѣй и суровѣй, холода дѣлали биваки нестерпимыми и до зари выгоняли изъ ночлеговъ, въ потьмахъ снимались они съ лагеря и шли, освѣщая себѣ путь фонарями. Взятые изъ Москвы съѣстные запасы вскорѣ были истощены, стали употреблять въ пищу конское мясо. Сворачивать съ дороги для фуражировки было невозможно, казаки и партизаны рыскали по сторонамъ, кололи и ловили всѣхъ кто имъ попадался. Къ казакамъ присоединялись изъ сосѣднихъ деревень крестьяне, нерѣдко одѣтые во французскихъ плащахъ, киверахъ, шапкахъ съ конскими хвостами, въ стальныхъ кирасахъ, которые они снимали съ

убитыхъ французовъ, кто былъ съ косою, кто съ топоромъ, кто съ большимъ гвоздемъ укрѣпленнымъ на древкѣ, со штыкомъ на дубинѣ, съ рогатиной, были и съ огнестрѣльнымъ оружіемъ; они выѣзжали изъ лѣсовъ, гдѣ скрывались ихъ семейства, и нападали отрядами по лѣсамъ и дорогамъ, на непріятельскіе обозы и мародеровъ, которыхъ народъ называлъ міродерами, подразумѣвая подъ этимъ, что они обираютъ міръ, и безжалостно ихъ губили. Даже крестьянскія дѣти и женщины попавшаго въ руки непріятеля безпощадно сѣкли и мучили.

Эта война отрядами — война партизанская — война народная, она началась съ первымъ вступленіемъ Наполеона въ Смоленскъ со всей своей силой, со всѣмъ грознымъ величіемъ, съ своей простотой и цѣлесообразностью и продолжалась до тѣхъ поръ, пока не погибло все нашествіе, пока оскорбленное чувство народности и мести не замѣнилось презрѣніемъ и жалостью.

Тысячи непріятелей были истреблены казаками и крестьянами, прежде нежели партизанская война была принята правительствомъ.

Первый учрежденный партизанскій отрядъ былъ отрядъ Дениса-Давыдова, вслѣдъ за нимъ стали учреждаться и другіе. Чѣмъ дальше подвигалася кампанія, тѣмъ больше и больше умножалось число этихъ отрядовъ. Они уничтожили армію Наполеона частями. Въ октябрѣ, когда французы бѣжали къ Смоленску, партіи эти были съ пѣхотой, съ артиллеріей, съ удобствами жизни, были одни казаки, были мелкія сборныя партіи, были крестьянскія, помѣщичьи, были никому не извѣстныя. Былъ дьячекъ начальникъ партіи, была старостиха Василиса, побившая сотни французовъ.

Въ послѣднихъ числахъ октября было время разгара партизанской войны. Окруженные французами, партизаны, не слѣзая съ лошадей, скрываясь по селамъ, слѣдили за французскими транспортами вещей и плѣнныхъ, нападали на

нихъ съ такою дерзостью, которой сами дивились и считали для себя все возможнымъ, все доступнымъ.

Между тѣмъ свѣтлѣйшій князь Кутузовъ продолжалъ свое боковое движеніе—преслѣдуя непріятеля, и когда наступили непогоды, гдѣ только было можно онъ располагалъ главную армію по квартирамъ. Правда, что часто дома были съ выбитыми окнами, съ разломанными печами, безъ дверей, но все же какъ овины и сараи они служили нѣкоторой защитой отъ выюгъ.

Когда съ 28 октября начались морозы, бѣгство французъ приняло трагическій характеръ — это были одни люди замерзающіе и зажаривающіеся у костровъ, и другіе продолжавшіе ѣхать въ шубахъ и коляскахъ съ награбленнымъ добромъ—императора, короля, герцоговъ. Армія разлагалась.

Отъ Москвы до Вязьмы отъ 73 тысячъ французской арміи осталось 36 тысячъ. Такъ таяла она отъ Москвы до Вязьмы, отъ Вязьмы до Смоленска, отъ Смоленска до Березины, отъ Березины до Вильны.

Бертье писалъ Наполеону: „Всѣ корпуса почти въ разбродѣ. Четвертая часть при знаменахъ, прочіе идутъ разными направленіями, стараясь найти кормленіе и избавиться отъ службы. Всѣ думаютъ только о Смоленскѣ, гдѣ надѣются отдохнуть“.

Наполеонъ вступилъ въ Смоленскъ и не нашелъ тамъ никакихъ заготовленныхъ запасовъ. Тѣ запасы, которые тамъ нашелъ, были такъ ничтожны, что едва доставало ихъ для гвардіи и перваго войска пришедшихъ въ Смоленскъ вслѣдъ за Наполеономъ.

Войско, завидя издали верхи Смоленска, отъ радости забыло голодь и стужу, и въ безпорядкѣ тысячами ломились въ городъ. Спѣша къ теплымъ квартирамъ и съѣстнымъ запасамъ, они тѣсняясь давили другъ друга. Какъ громовый ударъ поразило ихъ, что надобно идти дальше, что въ Смоленскѣ нѣтъ ни продовольствія, ни квартиръ. Къ этому бѣдствію поднялся морозъ выше 20 градусовъ.

Наполеонъ пребылъ въ Смоленскѣ только четыре дня и 2-го ноября выступилъ къ Красному. За нимъ выступилъ изъ Смоленска корпусъ вице-короля, потомъ Даву, 5 ноября въ полночь тронулся изъ Смоленска Ней послѣднимъ.

Наполеонъ велѣлъ Нею при выступленіи изъ Смоленска сжечь все, чего нельзя было увезти, и взорвать стѣны и башни, подъ которыя еще при себѣ подвелъ мины.

Когда послѣднія войска вышли изъ заставы, Смоленскъ вспыхнулъ зажженный непріателемъ. Ночь была звѣздная, морозная. Пожаръ ярко освѣтилъ небосклонъ и высоты противоположнаго берега и отразился въ гладкой поверхности льда покрывавшаго Днѣпръ.

Въ половинѣ втораго часа, грянулъ взрывъ первой мины въ облака и покатилъ грохотъ по крутизнамъ горныхъ окрестностей. Кругомъ неслись камни, сыпались, стучали по пожарищу города и по предметьямъ. Трескъ лошавшихъ, раскинутыхъ во все стороны бомбъ и гранатъ былъ прерванъ взрывомъ второй и третьей мины, грянувшихъ почти одновременно. Черезъ четверть часа поднялись еще двѣ мины. Мины были подведены подъ все башни, но не успѣли все зажечь, разрушены были только восемь башенъ Годуновыхъ и королевская крѣпость. При взрывахъ повреждено много уцѣлѣвшихъ строеній и загорѣлось нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ лазаретъ, гдѣ лежало болѣе 2000 раненыхъ французовъ. Только начало разсвѣтать, какъ жители, остававшіеся въ Смоленскѣ, стали показываться изъ подваловъ и изъ потаенныхъ мѣстъ. Увѣрившись, что избавлены отъ непріателя, который ихъ мучилъ, кинулись на остававшихся въ городѣ французовъ, однихъ бросали въ пламя горѣвшихъ зданій, другихъ низвергали въ проруби глубокаго Днѣпра.

Изстязанія враговъ прекратились со вступленіемъ въ городъ русскихъ. Велѣно было о раненыхъ и больныхъ имѣть попеченіе и продовольствовать, а русскимъ оказывать особое призрѣніе.

Когда 5-го числа очистилось сообщеніе между арміей и

Смоленскомъ, то въ тотъ же день возвращена была въ Смоленскъ чудотворная икона Богоматери при письмѣ Коновницына къ старшему духовному лицу, гдѣ между прочимъ было сказано: „нынѣ, когда Всемогушій Богъ благословилъ россійское оружіе покореніемъ врага, городъ Смоленскъ очищенъ, я, по волѣ главнокомандующаго всѣми арміями князя Михаила Иларіоновича Кутузова, препровождаю святую икону Смоленской Божіей Матери обратно, да водворится она на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней русскій Богъ“...

Съ того времени въ Смоленскѣ установлено праздновать ежегодно 5-го ноября изгнаніе враговъ всенощнымъ служеніемъ передъ чудотворной иконой святой Богородицы Одигитріи, т. е. благодатной путеводительницы.

Раззореніе Смоленской губерніи во время непріятельскаго нашествія простиралось на огромную сумму и впродолженіи трехъ мѣсяцевъ убирались непріятельскія тѣла, какъ дрова они складывались на подводы, свозились на опредѣленные мѣста и тамъ ихъ сжигали.

Всякаго рода оружія оставлено было непріателемъ такое множество, что въ первыя недѣли своего возвращенія на родное пепелище, несчастные смольяне торговали этимъ оружіемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это было единственнымъ средствомъ пропитанія. Впослѣдствіи находили орудія въ прудахъ, болотахъ, рѣкахъ, зарытыя въ землю. Поля были покрыты ядрами, картечью, пулями. Ядры долго служили при мытьѣ бѣлья и топленія бань, а французскими обозами топили дома. Французскіе сабли и тесаки употреблялись вмѣсто поварскихъ ножей.

Вѣгство непріятеля черезъ Смоленскую губернію, или лучше сказать проводы ихъ отъ Вязьмы за Красное были ужасны. На непріятеля обрушилось мщеніе народа. Въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ жители цѣлыми селеніями стояли временными таборами за древесными засѣками, подъ защитою болотъ, появлялись изъ засадъ толпы крестьянъ, бросались

на мародеровъ, останавливали кареты и ряды экипажей, въ которыхъ сидѣли раненые или истомленные французскіе чиновники, часто съ прелестными женщинами и невинными дѣтьми. Сверкающіе ножи, топоры и рогаины ожидали ихъ среди темныхъ осеннихъ ночей, въ странѣ имъ неизвѣстной. Ни слезы, ни убѣжденія, ни обѣщанія богатаго выкупа,—ничто не помогало, мольбы непріятеля были на непонятномъ языкѣ. Напрасно отпрашивались они на родину, подъ ясное небо Италіи, на цвѣтущую долину Лангедока, на берега Тибра, Лоары, Рейна. Имъ суждено было умереть подъ дыханіемъ сѣвера и лежать подъ снѣгами.

Иногда старѣйшины въ селахъ, смягченные воплями отчаянія, позволяли непріятелю бросать между собой жребій на жизнь и смерть „черный и бѣлый“, и оставляли жизнь кому выпадалъ бѣлый. Случалось, что дѣтство и красота находили пощаду. Общемъ же голосомъ было: зачѣмъ пришли топтать наши поля, разорять дома, жечь города и села, оскорблять святыя церкви Божіи, кто васъ звалъ, подѣломъ вору и мука.

Послѣ взятія французами Смоленска, многіе жители города и окрестныхъ селеній разсыпались по разнымъ мѣстамъ Россіи. Точно сквозь утренній туманъ я вижу какъ черезъ Корчеву проѣзжали и останавливались въ ней разоренные смоляне, одни въ каретахъ, въ коляскахъ, съ обозами и прислугой, другіе въ повозкахъ и телѣгахъ биткомъ набитыхъ пожитками, поверхъ которыхъ сидѣли женщины и дѣти; показывались и пѣшеходы по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, съ палками въ рукахъ и мѣшками за плечами, оборванные, голодные, въ конецъ разоренные.

Жители мѣстъ, гдѣ появлялись эти потѣзды, завидя ихъ, съ состраданіемъ говорили: ахъ бѣдные, опять разоренные врагомъ смоляне и спѣшили имъ на помощь, зазывали къ себѣ въ дома, кормили, одѣляли бѣльемъ, платьемъ, съѣстными припасами и спрашивали объ ужасахъ, которыхъ они были свидѣтелями и жертвой. Большая часть разоренныхъ послѣ кратковременнаго пріюта отправлялась дальше, не зная гдѣ

найдетъ себѣ болѣе продолжительное пристанище. Я помню какъ заѣзжали къ намъ во дворъ и заходили раззоренные, какъ отдыхали у насъ по нѣсколько дней, какъ кормили и одѣляли ихъ одеждой, даже прислуга наша дѣлилась съ ними рубашками, полотенцами и кусками сахара. Въ иныхъ мѣстахъ выѣхавшіе жители Смоленска оставались на болѣе продолжительное время. Въ числѣ таковыхъ было семейство Н., помѣщиковъ Смоленской губерніи, состоявшее изъ старушки-матери и трехъ дочерей молодыхъ дѣвушекъ, очень милыхъ и образованныхъ, какъ объ нихъ тогда говорили; онѣ остановились въ Корчевѣ на нѣсколько дней для отдыха и въ ожиданіи свѣдѣній изъ Твери отъ своихъ родственниковъ. Впродолженіи этого времени, онѣ познакомились съ моей матерью и теткой, подружились съ ними и узнавши, что родственники ихъ изъ Твери выѣхали, взяли въ Корчевѣ квартиру и остались тамъ до лучшаго времени. Вечерами онѣ собирались у насъ и сидя за кругломъ столомъ, съ работою въ рукахъ или за самоваромъ обставленномъ булками, кренделями и разными сластями принесенными нашей старушкой-экономкой Петровной, тутъ же всегда помѣщавшейся, рассказывали о взятіи и раззореніи Смоленска непріателемъ. И что за урожай готовился, говорили онѣ, вездѣ золотились прекрасныя поля ржи и овса, но убирать этой Божіей благодати никому не привелось. Слушая это Петровна тяжело вздыхала.

При вступленіи непріятеля народъ бѣжалъ, — кто въ окрестные лѣса, кто въ дальнія мѣста Россіи, бросая дома и неубранныя нивы. Шли, ѣхали въ чѣмъ попало. Къ этому наступили сильныя жары и засуха. Каждый день по небу ходили облака, но къ вечеру небо расчищалось и солнце заходило въ темно-красную мглу. Остававшіеся на корню хлѣба сгорали и осыпались. Луга были спалены жаромъ. По дорогамъ пыль поднималась столбомъ надъ проходившимъ войскомъ, повозками и пѣшеходами, сквозь тонкую завѣсу пыли солнце казалось багровымъ шаромъ. Проѣзжая деревни, все бросались къ рѣкѣ и колодцамъ.

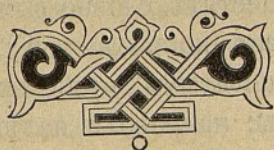
Только ночами, да въ лѣсахъ находили прохладу.

Въ то время, какъ Наполеонъ подходилъ къ Смоленску, семейство Н. находилось по дѣламъ въ городѣ, гдѣ губернаторъ говорилъ имъ, что опасаться нечего, но несмотря на это они бросили дѣла и въ самый день приближенія непріятеля выѣхали изъ него на собственныхъ лошадяхъ въ свое имѣніе находившееся верстахъ въ сорока отъ Смоленска. Проезжая улицами они видѣли, какъ жители сбиралися толпами, спрашивали другъ друга и старались одинъ другаго успокоить. Видѣли у дома губернатора множествонарода и слышалось, какъ нѣкоторые говорили „хорошо кто одинъ, а у кого семья, да все состояніе тутъ,—довели до чего, что это за начальство, погибать что-ли всемъ“. По улицамъ встрѣчались воза, верхомъ наваленные посудой, мебелью, сундуками, корзинами, а изъ воротъ домовъ выѣзжали новыя повозки и экипажи, и вереницей тянулись изъ города. Съ возовъ прощались съ остающимися, на другихъ слышались рыданья. „Мы выѣхали въ сумерки“, говорила старшая дочь г-жи Н. Ирина Николаевна, милая дѣвушка, съ оживленнымъ добродушнымъ взоромъ. Во всѣхъ направленіяхъ, встрѣчался намъ народъ и солдаты, видно, что никому сонъ не шелъ на умъ. „Говорятъ городъ сдадутъ“, слышалось иногда въ толпѣ. Когда мы выбрались за городъ, наступила уже ночь, ночь тихая, небо было осыпано звѣздами, а среди нихъ высоко свѣтился серпъ—мѣсяцъ. Мы вздохнули легче. Глубокая тишина прерывалась иногда шелестомъ шаговъ пѣшиходовъ и грохотомъ повозокъ. Въ имѣніи нашемъ мы нашли всѣхъ встревоженными, говорили молодыя дѣвушки. Сдѣлавши нѣкоторые распоряженія, мы стали укладываться и выѣхали въ Тверь.

Когда получено было извѣстіе, что непріятель изъ Россіи бѣжитъ и въ помѣстьи г-жи Н. обстоитъ все благополучно, то выѣхали изъ Корчевы, давши слово переписываться съ моей матерью и съ теткой. Сколько помнится мнѣ, онѣ довольно подробно опысывали слышанные ими рассказы

о взрывѣ Смоленска, раззореніи края и гибельномъ бѣгствѣ непріятеля. Все слышанное мною тогда я впослѣдствіи гораздо полнѣе узнала изъ разсказовъ участниковъ этой великой войны, а потомъ и изъ исторіи 12-го года, написанной бывшимъ адъютантомъ свѣтлѣйшаго князя Кутузова, Михайловскимъ-Данилевскимъ. Наши смоленскіе друзья писали къ намъ, что они нашли имѣнье свое полураззореннымъ, но домъ и находящіяся въ немъ вещи уцѣлѣли. Только въ саду много деревьевъ было повырублено, стекла въ оранжереяхъ разбиты, фруктовыя деревья попорчены, по цвѣтникамъ розы и воздушныя жасмины потоптаны и поломаны бродившими по саду телятами и овцами.

(Изъ дальнихъ лѣтъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ОХОТНИКА.

Татьяна Борисовна.

ДАЙТЕ мнѣ руку, любезный читатель, и поѣдемте вмѣстѣ со мной. Погода прекрасная; кротко сияетъ майское небо; гладкіе, молодые листья раки въ блескѣ, словно вымытые: широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой ровной травой съ красноватымъ стебелькомъ, которую такъ охотно щиплютъ овцы; направо и налево, по длиннымъ скатамъ пологихъ холмовъ, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользятъ по ней тѣни небольшихъ тучекъ. Въ отдаленіи темнѣютъ лѣса, сверкаютъ пруды, желтѣютъ деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поютъ, падаютъ стремглавъ, вытянувъ шейки торчатъ на глыбочкахъ; грачи на дорогѣ останавливаются, глядятъ на васъ, приникаютъ къ землѣ, даютъ вамъ проѣхать и, подпрыгнувъ раза два, тяжело отлетаютъ въ сторону; на горѣ за оврагомъ мужикъ пашетъ; пѣгій жеребенокъ, съ кудымъ хвостикомъ и взерошенной гривкой, бѣжитъ на невѣрныхъ ножкахъ вслѣдъ за матерью: слышится его тонкое ржанье. Мы въѣзжаемъ въ березовую рощу; крѣпкій, свѣжій запахъ пріятно стѣсняетъ дыханье. Вотъ околица. Кучеръ слѣзаетъ, лошади фыркаютъ, пристяжны оглядываются, коренная помахиваетъ хвостомъ

и прислоняеть голову къ дугѣ... со скрипомъ отворяется воротиче. Кучерь садится... Трогай! передъ нами деревня. Миновавъ дворовъ пять, мы сворачиваемъ вправо, спускаемся въ лощинку, въѣзжаемъ на плотину. За небольшимъ прудомъ, изъ-за круглыхъ вершинъ яблонь и сиреней виднѣется тесовая крыша, нѣкогда красная, съ двумя трубами; кучерь беретъ вдоль забора налѣво и при визгливомъ и сипломъ лаѣ трехъ престарѣлыхъ шавокъ, въѣзжаетъ въ настежь раскрытыя ворота, лихо мчится кругомъ по широкому двору мимо конюшни и сарая, молодецки кланяется старухѣ ключницѣ, шагнувшей бокомъ черезъ высокій порогъ въ раскрытую дверь кладовой, и останавливается наконецъ передъ крыльцомъ темнаго домика съ свѣтлыми окнами... Мы у Татьяны Борисовны. Да вотъ и она сама отворяетъ форточку и киваетъ намъ головой... Здравствуйте, матушка!

Татьяна Борисовна—женщина лѣтъ пятидесяти, съ большими сѣрыми глазами и двойнымъ подбородкомъ. Лицо ея дышетъ привѣтомъ и лаской. Она когда-то была замужемъ, но скоро овдовѣла. Татьяна Борисовна весьма замѣчательная женщина. Живетъ она безвыѣздно въ своемъ маленькомъ помѣстьѣ, съ сосѣдями мало знаетъ, принимаетъ и любитъ однихъ молодыхъ людей. Ходитъ она обыкновенно въ сѣромъ тафтяномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ съ висячими лиловыми лентами; любитъ покушать, но безъ излишества; варенье, сушенье и соленье предоставляетъ ключницѣ. Чѣмъ же она занимается цѣлый день? спросите вы... Читаетъ?—Нѣтъ, не читаетъ... Если нѣтъ у ней гостя, сидитъ себѣ моя Татьяна Борисовна подъ окномъ и чулокъ вяжетъ—зимой; лѣтомъ въ садъ ходитъ, цвѣты сажаетъ и поливаетъ, съ котятками играетъ, по цѣлымъ часамъ, голубей кормитъ... Хозяйствомъ она мало занимается. Но если заѣдетъ къ ней гость, молодой какой-нибудь сосѣдъ, котораго она жалуется—Татьяна Борисовна вся оживится; усадитъ его, напоитъ чаемъ, слушаетъ его рассказы, смѣется, изрѣдка его по щекамъ потреплетъ, но сама говоритъ мало; въ бѣдѣ, въ горѣ утѣ-

шить, добрый совѣтъ подаетъ. Сколько людей повѣрили ей свои домашнія задумевныя тайны, плакали у ней на рукахъ! Бывало, сядетъ она противъ гостя, обопрется тихонько на локоть, и съ такимъ участіемъ смотритъ ему въ глаза, такъ дружелюбно улыбается, что гостю невольно въ голову придетъ мысль: „какая же славная женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка я тебѣ расскажу, что у меня на сердцѣ.“

Въ ея небольшихъ, уютныхъ комнаткахъ хорошо, тепло человѣку; у ней всегда въ домѣ прекрасная погода, если можно такъ выразиться. Удивительная женщина Татьяна Борисовна, а никто ей не удивляется: ея здравый смыслъ, твердость и свобода, горячее участіе въ чужихъ бѣдахъ и и радостяхъ, словомъ, всѣ ея достоинства точно родились съ ней, никакихъ трудовъ и хлопотъ ей не стоили... Ее иначе и вообразить невозможно; стало быть и не за что ее благодарить. Особенно любитъ она глядѣть на игры и шалости молодежи; сложить руки подъ грудь, закинетъ голову, прищуритъ глаза и сидитъ, улыбаясь, да вдругъ вздохнетъ и скажетъ: ахъ, вы, дѣтки мои, дѣтки!.. Такъ, бывало, и хочется подойти къ ней, взять ее за руку и сказать: послушайте, Татьяна Борисовна, вы себѣ цѣны не знаете, вѣдь вы при всей вашей простотѣ и неучености необыкновенное существо!—Одно имя ея звучитъ чѣмъ-то знакомымъ, охотно произносится, возбуждаетъ дружелюбную улыбку. Сколько разъ мнѣ, напримѣръ, случилось спросить у встрѣчнаго мужика:—какъ, братецъ, проѣхать, положимъ, въ Грачевку?—„А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттолѣ на Татьяну Борисовну, а отъ Татьяны Борисовны всякъ вамъ укажетъ.“ И при имени Татьяны Борисовны мужикъ какъ-то особенно головой тряхнетъ.

Прислугу она держитъ небольшую, по состоянію. Домомъ, прачешной, кладовой и кухней завѣдываетъ у ней ключница Агафья, бывшая ея няня, добрейшее, слезливое и беззубое существо; двѣ здоровыя дѣвки, съ крѣпкими си-
зыми щеками, въ родѣ антоновскихъ яблокъ, состоятъ подъ

ея начальствомъ. Должность камердинера, дворецкого и буфетчика занимаетъ семидесятилѣтній слуга Поликарпъ, чуждакъ необыкновенный, человѣкъ начитанный, отставной скрипачъ и поклонникъ Віотти, личный врагъ Наполеона, или, какъ онъ говоритъ, Бонапартишки, и страстный охотникъ до соловьевъ. Онъ ихъ всегда держитъ пять или шесть у себя въ комнатѣ; ранней весной по цѣлымъ днямъ сидитъ возлѣ клѣтокъ, выжидая перваго „рокотанья“, и дождавшись, закроетъ лицо руками и застонетъ: „охъ, жалко, жалко!“—и въ три-ручья зарыдаетъ. Къ Поликарпу на подмогу приставленъ его же внукъ, Вася, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, кудрявый и быстроглазый; Поликарпъ любитъ его безъ памяти и ворчитъ на него съ утра до вечера. Онъ же занимается и его воспитаніемъ.

— Вася, говоритъ, скажи: Бонапартишка разбойникъ.

— А что дашь, тятя?

— Что дамъ?... ничего я тебѣ не дамъ... Вѣдь ты кто? Русскій ты?

— Я амчанинъ, тятя, въ Амченскъ *) родился.

— О, глупая голова! Да Амченскъ то гдѣ?

— А я почему знаю?

— Въ Россіи, Амченскъ, глухой.

— Такъ что-жъ, что въ Россіи.

— Какъ что? Бонапартишку-то его свѣтлѣйшество, покойный князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, съ Божіею помощію, изъ російскихъ предѣловъ выгнать изволилъ. По этому случаю и пѣсня сочинена: Бонапарту не до пляски, растерялъ свои подвязки.... Понимаешь, отечество освободилъ твое.

— А мнѣ что за дѣло?

— Ахъ ты глухой мальчикъ, глухой! Вѣдь, если бы свѣтлѣйшій князь Михаилъ Илларионовичъ не выгналъ Бо-

*) Въ простонародѣ городъ Мценскъ (Орловской губерніи) называется Амченскомъ, а жители амчанами.

напартиска, вѣдь, тебя бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковкѣ колотилъ. Подошелъ бы, этакъ, къ тебѣ, сказалъ бы: команъ ву порте ву?—да и стукъ, стукъ.

— А я бы его въ пузо кулакомъ.

— А онъ бы тебѣ: бонжуръ, бонжуръ, вене иси,—да за хохоль, за хохоль.

— А я бы его по ногамъ, по ногамъ, по цыбулястымъ-то.

— Оно точно, ноги у нихъ цыбулястыя.... Ну, а какъ онъ бы руки тебѣ сталъ вязать?

— А я бы не дался; Михея кучера на помощь бы по-звалъ.

— А что, Вася, вѣдь французъ съ Михеємъ не сладить?

— Гдѣ сладить! Михай-то во-какъ здоровъ!

— Ну, и чтожъ бы вы его?

— Мы бы его по спинѣ, да по спинѣ.

— А онъ бы пардонъ закричалъ: пардонъ, пардонъ, севуплей!

— А мы бы ему: нѣтъ тебѣ севуплея, французъ ты этакой!..

— Молодецъ Вася!... Ну такъ кричи-же: разбойникъ Бонапартиска!

— А ты мнѣ сахару дай!

— Экой!...

Ив. Тургеневъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТРОЧЕСКАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Журналъ „Игрушечка“ допущенъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для библіотекъ начальныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій и ученымъ, при святѣйшемъ синодѣ, комитетомъ для чтенія воспитанниковъ духовныхъ училищъ, а также воспитанницъ женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Условія подписки на 1883 годъ:

На годъ съ доставкою и пересыл.	6 р.	{ }	На полгода съ дост. и пер.	3 р. 50 к.
„ „ безъ доставки и перес.	5 „		„ „ безъ дост. и пер.	3 „ — „

За-границу 7 рублей.

Подписка принимается: для иногородныхъ, исключительно, въ редакціи журнала «Игрушечка», Малая Подъяческая, д. № 4, кв. № 16, а для городскихъ въ книжномъ магазинѣ А. И. Бортневскаго, Уголь Троицкаго и Графскаго переулка.

Полные экземпляры за 1882 годъ продаются въ редакціи по 6 руб. съ дост. и пер.—за 1880 и 1881 г. всѣ экземпляры разошлись по подпискѣ.

Редакторъ-издательница Т. П. Пассекъ.

Годъ 9-й.

О подпискѣ на 1883 годъ

„ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА“

ПОЛИТИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И РЕМЕСЛЕННАЯ,

съ изящными рисунками, еженедѣльное изданіе,

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ВЪ ВАЖНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ ВЫХОДИТЪ, вмѣсто одного, по два раза въ недѣлю.

Сообщаетъ подробно политическія и общественныя новости, распоряженія правительства, новости торгovyя и биржевыя, изобрѣтенія и открытія въ сжатомъ удобномъ для чтенія видѣ.—Для легкаго чтенія помѣщаются повѣсти и рассказы, преимущественно историческіе, и стихотворенія.

Кромѣ того въ „Газетѣ А. Гатцука“ помѣщаются статьи научнаго содержанія, имѣющія общій интересъ и изложенныя въ общедоступной формѣ, а также **Критика**, **Библиографія** и **МОДЫ** съ рисунками.—Газета даетъ въ текстѣ до 400 художественно исполненныхъ рисунковъ.

Въ „Газетѣ“ участвуютъ извѣстнѣйшіе наши литераторы, ученые и художники. (О. И. Буслаевъ, Д. И. Иловайскій, Н. И. Костомаровъ, Н. С. Лѣсковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Ольга Н., А. Н. Плещеевъ и др.).

Въ теченіе 1883 и 1884 г. въ „Газетѣ“, какъ въ текстѣ, такъ и отдѣльными рисунками, въ видѣ премій, будетъ помѣщаться рядъ художественно выполненныхъ рисунковъ по исторіи Россіи, изъ которыхъ составитсѣ дорогой альбомъ, наглядно знакомящій русскаго человѣка съ главными періодами и важнѣйшими событіями въ жизни Русскаго государства.

ПРЕМИИ 1883: Годовые подписчики получаютъ въ концѣ года **Крестный календарь на 1884 г.** на лучшей бумагѣ и большую **ОЛЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ** одного изъ **ВАЖНѢЙШИХЪ СОБЫТІЙ 1883 года.**

Подписная цѣна: безъ перес. на годъ 4 руб.; съ пересылкою-же на годъ — 5 руб., на $\frac{1}{2}$ г. (съ Янв. и Іюля) 3 руб., на 1 мѣс.—75 к.

Адресъ конторы Редакціи: Москва, Никитскій бульваръ, д. Гатцука.

Редакторъ А. А. ГАТЦУКЪ.

Годъ 9-й.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1883 ГОДУ ЖУРНАЛА „УСТОИ“.

Литературный, научный и политическій журналъ „УСТОИ“ будетъ выходить въ 1883 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

- 1) Беллетристика оригинальная и переводная: романы, повѣсти, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія.
- 2) Научный отдѣлъ: статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ, общественно-политическихъ и историческихъ наукъ.
- 3) Критика: общія статьи по вопросамъ литературнаго творчества; разборъ журналовъ и книгъ русскихъ и иностранныхъ.
- 4) Внутренній отдѣлъ: статьи по вопросамъ внутренней жизни, лѣтопись событій, корреспонденціи, судебные отчеты.
- 5) Политическій отдѣлъ: обзоръ жизни иностранныхъ государствъ.
- 6) Фельетонъ: очерки современной русской и западной жизни.
- 7) Театръ и музыка.
- 8) Смѣсь: краткія сообщенія и мелкія замѣтки.
- 9) Объявленія.

Въ журналѣ будутъ участвовать: *Я. В. Абрамовъ (Ведостъевецъ), М. Н. Альбовъ, Алксандровъ, Е. Баранцевичъ, Максимъ Вѣлинскій, С. А. Венеровъ, В. В., Алексѣй Ник. Веселовскій, О. О. Воропоновъ, В. М. Гаршинъ, Н. Н. Златовратскій, проф. И. И. Иванюковъ, проф. В. О. Ключевскій, проф. П. А. Костычевъ, С. Н. Кривенко, Н. С. Курочкинъ, проф. В. А. Лебедевъ, В. С. Лисачевъ, проф. И. В. Лучинскій, Н. В. Максимовъ, Н. М. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Морозовъ (М. А. Протопоповъ), С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, В. И. Орловъ, А. Н. Плещеевъ, А. В. Погосевъ, Г. Н. Потанинъ, Н. С. Русановъ, В. И. Семеовскій, Л. З. Слонимскій, проф. Н. И. Стороженко, проф. К. А. Тимирязевъ, Гл. И. Успенскій, О. А. Щербина, О. О. Эрисманъ, проф. И. И. Янжулъ, П. В. Якубовичъ и др.*

Подписка принимается: въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 10, кв. № 45, и въ книжномъ магазинѣ *Цинзерлингта*, Невскій проспектъ противъ Гостиного двора № 46.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки—10 р., съ доставкою въ Петербургъ—11 р., съ пересылкою въ другіе города — 12 р.; на полгода: безъ доставки — 5 р. 50 к., съ доставкою въ Петербургъ—6 р. съ пересылкою въ другіе города—7 р.

Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было бы адресовать книги журнала, а также въ случаѣ неисправной высылки журнала заявлять объ этомъ не позже выхода слѣдующей книги. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ. Жалобы и извѣстія о перемѣнѣ адресовъ адресуются исключительно въ контору „УСТОЕВЪ“.

Въ вышедшихъ и имѣющихъ выйти книжкахъ журнала „УСТОИ“ напеча-
таны, между прочимъ, слѣдующія статьи.

- Фургонщикъ (Разсказъ). *Н. Наумова.*
Записки Южно-русскаго крестьянина. *А. Г.*
Домашній бытъ и нравы крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка. *В. И. Се-
мевского.*
Въ степи. *Федосеева.*
Чужакъ (Повѣсть). *К. Баранцевича.*
Частная инициатива въ дѣлѣ народнаго образованія во Франціи. *Ю. Я—чъ.*
Графъ Киселевъ. *Н. Морозова.*
Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни, *Амандрова.*
Крестьяне въ сѣверо-западномъ краѣ. *С.*
Обездоленный (Очеркъ). *Н. Наумова.*
Кризисъ Смитовской школы въ политической экономіи. Проф. *И. Иванюкова.*
О крестьянскомъ самоуправленіи. *С.*
Мѣдъ звѣнящая. *Н. Морозова.*
„Новое слово“ г. Соловьева. *Н. W.*
На рубежѣ Азіи (Очерки захолустнаго быта). *Д. Сибиряка.*
Деревенская пророчица (Разсказъ). *Н. Златовратскаго.*
Движеніе поземельной собственности во Франціи. *Поля Лафарга.*
Что дальше? (Этюдъ изъ обыденной жизни). *М. Валицкой.*
То, чего не было. *Всеволода Гаршина.*
Народная школа въ Швейцаріи. *А. Блюменталъ.*
Многъ и наука.
Научная хроника. *И. Д.*
Снѣговая вершина Альпъ («Лоринъ», романъ графа Н. А. Валуева). *Н. Морозова.*
Умственный поворотъ въ польскомъ обществѣ. *С. Венгера.*
Греза (Эскизъ романа). *Максима Билинского.*
Древнерусскіи солеваренныя товарищества. *Ө. Остроумова.*
Передача и обращеніе народныхъ знаній. *Ө. Щербина.*
Обличитель не по разуму. *Н. Морозова.*
Чарльсъ-Робертъ Дарвинъ (Критико-біографическій этюдъ). *В. Святловскаго.*
Двѣ замѣтки объ историческомъ образованіи. Проф. *Н. Карѣева.*
Уголокъ раскольниковъ міра. *Я. Абрамова.*
Американки различныхъ слоевъ. *П—ой.*
Корова (Очеркъ). *Федосеева.*
Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими? Проф. *Ив. Янжула.*
Мятежъ (Очеркъ). *К. Баранцевича.*
Философія Стеши. *Флеровскаго.*
Общинное землевладѣніе въ Малороссіи. Проф. *М. Лучицкаго.*
На урокахъ (Изъ записокъ учителя). *М. Р.*
Крестьянскія возстанія въ Чехіи. *Сватека.*
Сравненіе хозяйства крестьянъ тамбовскаго и нассаускаго. *В. В.*
Глава изъ недописанной повѣсти. *М. Албова.*
Голышъ. *Н. Познякова.*
Погоня за призракомъ (Отрывокъ изъ романа «Интеллигенція и народъ»). *Л. Шта-
мера.*
Шекспиръ въ наше время. *П. Слѣпшьева.*
Какъ я сталъ духовнымъ братомъ (Изъ записокъ штундиста). *А. Г.*
Нефедовскій починокъ. *Н. Наумова.*
По поводу одной смерти. *Н. Николадзе.*
Литературныя замѣтки. *С. Венгера* и мн. др.
Повѣсть *Каронина.*
Стихотворенія: *А. Н. Плещеева, Н. М. Минскаго, С. Я. Надсона, В. Мар-
това, Н. С. Курочкина, В. С. Лихачева, П. Ф. Якубовича,* и др.

„ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1883 ГОДУ.

Годовой опытъ показалъ, насколько удовлетворяетъ публику наше изданіе, что можетъ быть оставлено въ немъ безъ измѣненія и что требуетъ перемѣны. Сохраняя свою прежнюю программу, „Заграничный Вѣстникъ“ съ будущаго года существенно измѣнитъ распредѣленіе того литературнаго матеріала, которымъ располагаетъ редакция. Первый отдѣлъ журнала, въ объемѣ отъ десяти до двѣнадцати печатныхъ листовъ, будетъ исключительно посвященъ литературному чтенію. Въ составъ его войдутъ: беллетристика, историческіе и литературные характеристики и очерки, біографіи и путешествія. Иностранныя беллетристическія произведенія въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаемы не въ извлеченіяхъ, а въ полныхъ переводахъ; по возможности безъ дробленія ихъ на слишкомъ мелкія части. Статьи учено-литературнаго содержанія составятъ второй отдѣлъ журнала, въ объемѣ, приблизительно, пяти листовъ. Редакция надѣется, что литературные и ученые интересы современности будутъ, такимъ образомъ, лучше представлены въ ея изданіи.

„Заграничный Вѣстникъ“ выходитъ во второй половинѣ каждаго мѣсяца, книгами въ объемѣ свыше 15 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на 1883 годъ: на годъ, безъ пересылки и доставки 10 р., съ доставкой въ Петербургъ—10 р. 50 к., съ пересылкой—11 р.; на полгода, безъ пересылки и доставки — 5 р., съ доставкой въ Петербургъ 5 р. 50 к., съ пересылкой — 6 р.; съ пересылкой за границу: на годъ — 13 р., на полгода — 8 р.

Подписка принимается въ Петербургѣ: въ редакціи „Заграничнаго Вѣстника“ (Николаевская улица, д. 4, кв. 6) и въ книжныхъ магазинахъ М. М. Стасюлевича (Васильевскій Островъ, 2 линія, д. № 7), К. Л. Риккера (Невскій пр., д. 14) и Э. Мелье (Невскій пр., д. Голландской церкви). Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Моховая ул., противъ Университета).

Г. иногородные обращаются со своими требованіями исключительно въ редакцію „Заграничнаго Вѣстника“.

Редакторъ В. Коршъ.

ВЪ 1883 ГОДУ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ

ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки. На годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—70 к.

Съ доставкой и пересылкою. На годъ—8 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, при типографіи „Кроншт. Вѣстн.“, на Соборной площади, въ домѣ Никитинныхъ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°. Невскій проспектъ, домъ Армянской церкви.

О ПОДПИСКѢ НА 1883 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ РАЗНЫМИ БЕСПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.

Съ 1-го января 1883 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнетъ XV годъ (т. е. томы XXIX и XXX) своего существованія. Извѣстность, приобретенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойного листа самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Цѣна годовому изданію „Всемирной Иллюстраціи“ на 1883 г. Безъ дост. въ Петербургѣ 13 р. — к. Съ дост. въ Петербургѣ 14 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ 14 „ 50 „ Съ пер. въ Москву и др. гор. 16 „ — „

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусство, и пр. и пр., однимъ словомъ, цивилизацію, нравы и обычаи народовъ ВЪ КАРТИНАХЪ.

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событий во всѣхъ сферахъ политической и обществ. жизни.

Каждый годъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА,
каждый до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англ. коленкора, съ золотыми тиснен. по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 26 томовъ „Всемирной Иллюстраціи“:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. коленкоровомъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тиснен. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ пересылки. 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложений), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложений), 1879 г. (т. XXI и XXII) 1880 г. (т. XXIII и XXIV) и 1881 г. (т. XXV и XXVI) — по 9 р., безъ перес. кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку cadaго года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Эти 26 томовъ «Всемирной Иллюстраціи» представляютъ собою полную иллюстрированную за тринадцать лѣтъ всемірную исторію и, кромѣ того, полный обзоръ въ области всѣхъ наукъ и искусствъ, слѣдовательно должны бы были занимать видное мѣсто въ каждой хорошей бібліотекѣ.

Главная контора редакціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., № 16, противъ Гостиннаго двора.

Отдѣленіе конторы находится въ Москвѣ, на Большой Луянкѣ, д. оптика Трындина.